

RU

Трансформация и синтез мифологических сюжетов и образов в современной чувашской драматической сказке

Перепелкина Е. П., Якимова Е. Р.

Аннотация. Цель исследования – выявить изменение мифологических сюжетов и образов в современных чувашских сказках-пьесах для детей. В исследовании проанализированы сказки-пьесы Иосифа Трера, Ольги Тургай, Елен Нарби. В качестве предыстории жанра рассмотрены сюжеты сказок Константина Иванова, Ефима Никитина, Михаила Юхмы. Научная новизна работы обусловлена тем, что впервые в чувашском литературоведении персонажи и сюжеты современных сценических сказок, героями которых являются мифологические персонажи и в которые включены сюжетные линии из национального фольклора, становятся объектами анализа. Результаты изучения показали, что для современной чувашской литературы фольклор является богатым культурным источником. Древние мифологические сюжеты и образы, трансформируясь и адаптируясь к современным реалиям, получают новое прочтение, не теряют актуальности и приобретают другой смысл. Используя мотив пропажи героя и отправления на его поиски близких людей (невесты, жены, отца и т. д.), авторы создали десятки сценических сказок. В них представлены древние чувашские мифологические образы Пюлекхсе, Эсрель, Киремет и др., которые приближены к сегодняшней жизни. Мифологические сюжеты, получив новое художественное оформление, возрождаются на современной сцене.

EN

Transformation and synthesis of mythological plots and images in the modern Chuvash dramatic fairy tale

Perepelkina E. P., Yakimova E. R.

Abstract. The research aims to identify changes in mythological plots and images in modern Chuvash fairy-tale plays for children. The paper analyzes fairy-tale plays by Iosif Trer, Olga Turgay, and Elen Narby. As the genre background, the plots of fairy tales by Konstantin Ivanov, Efim Nikitin, and Mikhail Yukhma are considered. The paper is novel in that it is the first in Chuvash literary studies to analyze the characters and plots of modern stage fairy tales the heroes of which are mythological figures and which include story-lines from national folklore. The research findings showed that folklore is a rich cultural source for modern Chuvash literature. Ancient mythological plots and images, transforming and adapting to modern realities, receive a new interpretation, retain their relevance and acquire a different meaning. Using the motif of the hero's disappearance and of his loved ones (bride, wife, father, etc.) looking for him, the authors created dozens of stage fairy tales. They present the ancient Chuvash mythological images of Pyulekhse, Esrel, Kiremet, etc., which are close to today's life. Mythological plots, having received a new literary manifestation, are being revived on the modern stage.

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что в последнее десятилетие в чувашской литературе появилось множество драматических сказок для детей, в которых авторы используют сюжеты древних чувашских сказаний. Образы и герои таких произведений не новы, их сюжеты опираются на древние фольклорные и мифологические мотивы (Чекушкина, 2016; 2018), однако эти тексты не теряют своей актуальности, и многое в них трансформировано и адаптировано для современного читателя и зрителя. Часто сказки, основанные на мифологическом сюжете, ставятся на сценах современных театров республики (Якимова, 2019). Назрела необходимость изучения мифологических сюжетов и образов с новейшей художественной трактовкой в сценических сказках с целью выявления их ценностной составляющей для современной чувашской литературы, а также актуализации знаний, передаваемых коллективным бессознательным посредством сказочного сюжета.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- проследить сжато, в рамках статьи историю развития жанра сценической сказки в чувашской литературе;
- проанализировать произведение К. Иванова, Е. Никитина, М. Юхмы, И. Трера, О. Тургай, Е. Нарби в аспекте заявленной темы;
- выявить наиболее часто встречающиеся мифологические сюжеты в современных чувашских сценических сказках.

Материалом исследования стали сказки-пьесы чувашских писателей: «Тӓлӓх арӓм» («Вдова», 1907) К. Иванова; «Сарпике» («Сарбиге», 1961) Е. Никитина; «Пӓрнескепе унӓн тусӓсем» («Пюрнеске и его друзья», 1974) М. Юхмы; «Ама кайӓк сӓлӓпе» («По следам первоптицы», рукопись – 2012) И. Трера; «Савтепи» («Савдеби», 2023) О. Тургай; «Ух старик» («Старик Ух», рукопись – 2023) Е. Нарби. Источники иллюстративного материала:

- Туркай О. Савтепи // Тӓван Атӓл. 2023. № 6.
- Никитин Е. Сарпике: пьеса-юмах. Шупашкар, 1961.
- Юхма М. Пӓрнескепе унӓн тусӓсем: повесть-юмах. Шупашкар: Сӓнӓ вӓхӓт, 2008.
- Иванов К. В. Сӓрнисен пуххи. Шупашкар: Чӓваш кӓн. изд-ви, 1990.

Ключевыми методами стали: историко-литературный, благодаря которому прослежен путь развития жанра сценической сказки в чувашской литературе; сравнительно-сопоставительный (компаративистский), позволивший рассмотреть общие сюжетные линии в исследуемых произведениях; интертекстуальный, дающий возможность выявить смысловые трансформации отдельных элементов фольклорных сказок и легенд в современных произведениях.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, предметом которых является изучение драматической сказки как особого жанра, функционирующего на стыке драмы и малых жанров эпоса.

Драматическая сказка является разновидностью литературной сказки, изучение которой стало популярным в последние десятилетия. «2000-е годы представлены палитрой жанровых вариантов драматических сказок, часть из которых опирается на память фольклорных и традиционных форм», – пишет Е. В. Пономарева (2016, с. 121). Н. Г. Кабанова подчеркивает, что «в современной литературе отмечается процесс активного переосмысления элементов народно-сказочной структуры и культуры предшествующих периодов, важный для авторского самовыражения» (2022, с. 3). По мнению Е. В. Пономаревой, «пьеса-сказка – мощный инструмент трансляции идей в массы. Будучи зрелищным явлением, простым в реализации и доступным широкой... аудитории, она демонстрирует свою активность в периоды, связанные со всплеском массового искусства и активизации мифологического сознания» (2016, с. 121-122). Именно «активизацией мифологического сознания» и зрелищностью форм можно объяснить возросший интерес чувашских драматургов и режиссеров к фольклорным сюжетам и персонажам. Как следствие такого интереса на сцене появляются мифологические детали, ритуальные элементы в виде волшебных помощников (вышитая рубашка, кольцо, горстка родной земли, молоко черной коровы и т. д.).

Л. Х. Давлетшина подчеркивает, что из фольклорного материала именно «миф обладает огромной обобщающей силой, творящей из хаоса художественную модель действительности, наделенную внутренней гармонией» (2005, с. 20). Далее исследователь пишет: «Восприятие художественного опыта прошлых поколений осуществляется современными писателями в процессе литературной интерпретации, в ходе которой приемы и формы мифологизма становятся средством кодирования эстетической информации» (Давлетшина, 2005, с. 21). Т. Г. Леонова (1982, с. 198) раскрывает соотношение в авторской сказке как фольклорных канонов – образных, сюжетно-композиционных, стилистических, так и литературных элементов в индивидуальном преломлении писателя.

Теоретическим исследованием жанрового феномена литературной сказки занимались такие выдающиеся филологи, как Л. В. Овчинникова (2001), Л. Ю. Брауде (1979), Т. Г. Леонова (1982), Ю. Ярмыш (1972). М. Н. Липовецкий (1992), Т. Г. Леонова (1982), Б. А. Бегак (1989) считают, что в литературной сказке можно совмещать мифологические элементы, традиции фольклорных сказок, легенд и т. д. Кроме того, этот жанр включает в себя принципы и модели философского романа, притчи, повести, басни и других литературных жанров.

Исследователи выделяют разные вариативные особенности жанра литературной сказки. Мы же рассматриваем ее как основанную на фольклорных и мифологических источниках и поэтому анализируем с точки зрения использования архаичных сюжетов, элементов, персонажей. «Константы мифологического мирозерцания, сохранившись в глубинах коллективного бессознательного, спустя века, вновь осмысляются и переносятся на художественное творчество для создания литературной модели бытия в ее отношении к древним мифологическим представлениям, тем самым преобразуя картину современной действительности в модель универсума и выводя проблемы человечества на глобальный уровень» (Давлетшина, 2005, с. 8). На наш взгляд, в сценических сказках древние мифологические сюжеты как раз переосмыслены и адаптированы для современного читателя и зрителя.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по фольклору, истории чувашской литературы и литератур народов Поволжья, сравнительному литературоведению. Полученные данные могут найти применение при создании учебников и учебных пособий.

Обсуждение и результаты

М. Н. Липовецкий в монографии «Поэтика литературной сказки» (1992) исследует эволюцию и функционирование сказочной жанровой традиции в русской литературе советского периода, изучает вопрос затухания

и возрождения сказочной «памяти жанра» (термин М. М. Бахтина). Ученый связывает активность жанра литературной сказки с периодами «исторических кризисов и глубинных сдвигов в ценностной ориентации всего общества» (Липовецкий, 1992, с. 153) и делает вывод, что литературная сказка тяготеет к группе философских жанров. Обзор современных чувашских сказок-пьес для детей показывает резкое увеличение количества сценических сказок на рубеже XX и XXI веков. В это время происходит переосмысление исторического прошлого народа и поиск чувашскими писателями новых форм интерпретации пережитого. На основе чувашских сказок, легенд и баллад создаются сказки-пьесы Е. Никитина, М. Юхмы, И. Трера и др. В статье рассматриваются некоторые народные сюжеты, измененные в чувашских сказках-пьесах.

В чувашском фольклоре имеется сюжет пропажи героя на войне и отправления на его поиски верной жены (невесты или кого-то из близких людей). Используя этот мотив, К. Иванов в начале XX века написал легенду «Тăлăх арăм» («Вдова»). Согласно легенде, идет кровопролитная война, среди воюющих есть семеро братьев. Один из них в смертном бою сложил свою голову. Тем временем на жатве мать сыновей не находит себе места, она собирает своих невесток и бросает ложки сыновей на землю, приговаривая:

*Пӱлӗх, кӑтарт тӗрӗсне,
Кашӑк кала чӑннине:
Хӑш кин юнӑ кашӑклӑ –
Пӗтнӗ унӑн упӑшки. /*

«Пюлех, правду покажи,
Ложка, истину скажи:

Той, в чью ложку кровь нальется

Век вдовой прожить придется» (Иванов, 1990, с. 56-57).

Кровью наливается ложка младшей невестки, и жена уходит на поиски своего любимого супруга. В финале легенды она находит тело покойного мужа и четыре дня пребывает в безутешном горе, а затем и сама следует за ним:

*Вара тӑваттӑмӗш кун
Ҷакӑнчӗ те, пӗтрӗ чун.*

*Хӑй упӑшкин ҫӗҫене,
Виҫӗ ылтӑн пӗрчипе. /*

«На четвертый день подруга,

Взяв три волоса супруга,

Удавилася на них,

Волосинках золотых» (Иванов, 1990, с. 60-61).

Народный поэт Чувашии Я. Ухсай мотив этой легенды удачно включил в свою трагедию-сказку «Шуйттан чури» («Раб дьявола»). Сама пьеса была написана по мотивам незавершенного произведения К. Иванова с таким же названием. В произведении Я. Ухсай умело использует персонажей чувашской мифологии.

Следует отметить, что чувашские писатели на протяжении XX века часто обращались к народному устному творчеству, трансформируя архаичные сюжеты и образы для современного прочтения. Так, обращаясь к чувашской мифологии, Е. Никитин написал сказку-пьесу «Сарпике» («Сарбиге»), на основе которой впоследствии был поставлен одноименный балет на сцене Театра оперы и балета. Мотив этой сказки – похищение главного героя злыми персонажами и последующее его возвращение. Между красавицей Сарбиге и добрым молодцем Сардиван вспыхивает любовь, однако горячие чувства молодых не одобряют злые персонажи – мачеха девушки Сахха и отец смерти Эсреметь. Они, похитив Сардивана, хотят разлучить влюбленных. Под воздействием злых чар Сардиван теряет память, но храбрая Сарбиге не забывает о нем и спасает своего любимого. В народной легенде муж умирает, и жена тоже следует за ним. В сказке Е. Никитина благодаря песне девушки и пению соловья с Сардивана спадают магические чары. Родная сердцам влюбленных мелодия помогает Сардивану и Сарбиге услышать друг друга. Сказка завершается подготовкой к свадьбе молодых. Фольклорный мотив пропажи (кражи, похищения) героя часто варьируется и меняется, в трансформированном виде его используют многие чувашские писатели. Так, в повести-сказке М. Юхмы «Пӱрнескепе унӑн тусӗсем» («Пюрнеске и его друзья»), впоследствии переделанной в пьесу-сказку, отважный «мальчик-с пальчик» по имени Пюрнеске отправляется в путь на поиски девочки Мӑкӑнпи (Маганьби), похищенной стариком Чиге-старик Хур-сухал в подземную страну *Лештӗнче* (досл. «тот свет»). В произведении М. Юхмы мотив пропажи одного из героев синтезирован с мотивом путешествия героя. Путь Пюрнеске лежит через страну *Саркун ҫӗршывӗ* (досл. «страна желтого дня»), где живет его дедушка. По чувашским поверьям, в стране Саркун находили покой души усопших родственников. Мальчику нужно найти Чиге-старик Хур-сухал и разрубить волшебным мечом его длинную бороду, дающую ему силу. В пути ему помогают птицы и звери, а также волшебные вещи: свисток, колобок, меч. При помощи верных друзей Пюрнеске сумел одолеть злодея Чиге-старик и освободить Маганьби. В сказке образ мужчины (парня) трансформирован в маленького мальчика, отправляющегося на поиски подруги. В пратексте вдова в одиночку отправляется на поиски мужа. В пьесе Юхмы появляются мальчик Пюрнеске и его единомышленники, лейтмотивом сказки становится тема дружбы.

Современный писатель О. Тургай, использовав мифологический сюжет пропажи героя, написала сказку-пьесу «Савтепи» («Савдеби»). По сюжету, у девушки Савдеби на войне без вести пропал возлюбленный Акмане, и она желает отыскать его. Люди ей говорят, что только *Аслӑ Турӑ* (Верховный Бог) знает о судьбе героя, ибо он записывает их судьбы в книге жизни, а смертным людям к нему путь «заказан», так как человек –

всего лишь пылинка в глазах Всевышнего. Однако отважная девушка не боится препятствий и отправляется в путь, прихватив с собой горсточку родной земли. Поиски любимого человека она начинает с посещения Киреметя, который, по поверьям чувашей, ведает о судьбах людей. От него Савдеби узнает, что ее любимый не числится в земном мире. Далее она следует к *Эсрель*, в подземное царство. Но Акмане и здесь нет. Савдеби держит путь к *Пүлехсэ* (Пюлехсе), супруге Аслă Турă, которая ведает душами земных людей и может скорректировать написанную Богом судьбу человека в книге жизни. С ее помощью девушка хочет попасть к Всевышнему, в небесный мир. Добрые духи хотят остановить Савдеби, но она непреклонно верит в то, что любимый жив и ждет ее. Сам Бог очень удивился необычайной храбрости девушки и повел ее к возлюбленному Акмане. Однако Акмане не помнит земную жизнь и не узнает ее (как мы помним, в чувашской легенде – муж умер). Происходит трансформация сюжета: Савдеби не отчаивается, как вдова из легенды. Она достает горсточку родной земли и дает ее любимому человеку, отчего тот сразу приходит в себя и все вспоминает. Молодые возвращаются домой. В волшебных сказках часто встречается образ живой и мертвой воды, который в сценической сказке чувашского автора О. Тургай трансформируется в образ родной земли. Связано это с мифологическими воззрениями чувашей, которые наделяли родную землю сверхъестественной магической силой (Чекушкина, 2013, с. 33). Венгерский ученый Д. Месарош отмечает, что «в старинных верованиях... чувашского народа земля занимает важное место как почва полей и пашен и как мать мира и всего человечества. Земля рождает хлеб и всякого рода растения, служащие пропитанием для человека, на ней же пасется скот. Одним словом, она – источник жизни» (2000, с. 55). Вероятно, поэтому в сказке «Савдеби» земля оказалась целебным лекарством для пробуждения героя.

Как отмечалось выше, в литературе сюжет пропажи героя на войне включается в более общий мотив – мотив путешествия героя. «В нарратологии и сравнительной мифологии путешествие героя, или мономиф, является общим шаблоном историй, в которых герой отправляется в приключение, побеждает в решающем кризисе и возвращается домой измененным или преображенным» (Давлетшина, 2005, с. 238). Этот сюжет дополняется ситуацией похищения героя злыми силами в подземное царство. В таких случаях, как правило, на поиски близкого человека отправляются отец, жена или невеста героя. Подобный сюжет встречается в современной сценической сказке «Ух старик», написанной Е. Нарби по мотивам чувашской народной сказки и поставленной на сцене Чувашского театра юного зрителя им. М. Сеспеля. Юный герой авторской сказки Юман, единственный сын старых родителей, захотел пойти учиться, однако по дороге его забирает к себе хозяин подземного мира Ух. Юноша вынужден оставаться под землей целый год, а через год на поиски родного сына отправляется его отец. Достоин выдержав испытания, он вызволяет сына из-под земли, однако приключения Юмана на этом не заканчиваются. Юноша опять становится жертвой старика Ух, превращаясь то в рыбу, то в зернышко, то в коршуна. «Смена социального статуса, составляющая основную цель инициационных испытаний, предполагает разрушение социальной роли, открепление личности от группы, символическое изъятие индивида из социальной структуры на некоторое время, те или иные испытания, контакт с демоническими силами вне социума, ритуальное очищение и возвращение в социум, в иную его часть, в другом статусе» (Мелетинский, 1976, с. 226). В сказке Е. Нарби происходит ритуальное очищение героя посредством испытаний (герой предстает в разных обликах). Юман выдерживает эти испытания, но в последнем случае он просит помощи у девушки Эрнеслу, которая нечаянно стала свидетелем борьбы добра и зла. Таким образом, в этой сценической сказке возникает трансформация мотива пропажи героя с последующим его освобождением. Между тем, в первоисточнике элемента спасения не было. Финал сказки – свадьба молодых людей.

Также интересен сюжет сказки-пьесы И. Трера «Ама кайăк сүлĕпе» («По следам первоптицы»), которая тоже поставлена на сцене ТЮЗа. В авторской сказке использован мотив путешествия героя. Главный герой, у которого нет даже имени, но часто называющий себя Дурачком, идет по следам Ама (здесь – первоптица). «Мир создала Ама – существо женского рода, у тюрков оно появляется в виде образа лебедя под именем Умай. Вот молитва: “Эй, сотворившая мир Ама (Мать), все сотворенное Тобой есть благо, поэтому мы (вс)поминаем и благодарим Тебя!”» (Трер, 2019, с. 326). Автор в пьесе углубляется в суть традиционных верований чувашского народа, именно отсюда берутся такие образы, как магическое кольцо, вышитая рубашка, собака-медиум, существующая между миром живых и мертвых, культовые образы воды, огня, хлеба и др. Свое обращение к магическим пьесам И. Трера объясняет так: «Магия появляется в бессилии рассудка и практики перед неизвестным. Магия – область интуиции. В отсутствии современной науки медицины и психологии маги являлись единственными помощниками человека в его земных страстях и болях. Древние знатоки человеческой души – лекари и шарлатаны...» (2019, с. 327).

По одной из мифологических версий древних чуваш, мир держался на мудрой черепахе. К ней и отправляется главный герой сказки – младший брат, чтобы добыть разум для Старшего брата, который был лишен разума за осквернение чувашских культовых символов – хлеба, огня, воды. В сказке также встречается древний, характерный для многих народов сюжет о двух братьях – старшем «умном» и наивном дурачке младшем. Однако у Трера они только по определению «умный» и «дурак», на самом же деле называющий себя умным оказывается вовсе не умным, и наоборот, – дурак предстает в сказке самым разумным. Как и во многих волшебных сказках, герою в пути помогают волшебные вещи: вышитая рубашка и кольцо. Рубашка является не только одеждой, но и оберегом за счет вышивок, которые для чувашей имели кроме декоративного и информационное значение и защитную функцию. В пьесе рубашка оберегает ее носителя от злых духов. В путь главного героя провожает собака, но в дорогу она с ним не идет, ибо у нее своя функция – провожать души мертвых на тот свет. Этот элемент также заимствован автором из народных преданий, где именно собака выступает проводником умерших душ на тот свет. В чувашских народных песнях встречается образ кольца.

По верованиям чувашей, глядя сквозь него, можно увидеть души, находящиеся в ином мире. Герою пьесы волшебное кольцо помогает увидеть эти души: «*Сёрё витёр пӑхсан леш тӗнчене каякансене курма пулать*» (цитируется по рукописи автора). / «*Если взглянуть сквозь кольцо, можно увидеть уходящих в мир иной*» (здесь и далее перевод с чувашского авторов статьи. – Е. П., Е. Я.).

Интересно выстроен образ мудрой черепахи. В чувашской мифологии это немой образ, а у И. Трера черепаха заговорила. «*Этем шӑпи этем аллинче, пӗтес пулсан та хӑйӗн ӑсне пула пӗтет. Хальхи сын ӑслӑ, анчах тӑнсӑр*» (цитируется по рукописи автора). / «*Судьба человека в его собственных руках; если он и погибнет, то от собственных знаний. Сегодня человек много знает, но не разумный*», – рассуждает мудрая черепаха. Такого плана рассуждения придают пьесе философичность и приближают к жанру притчи.

Пьеса «По следам первоптицы» по-своему выражает стремление автора продемонстрировать на художественном языке духовные и этические ценности чувашского народа, возродить «знание своих корней, своей культуры, истории, языка» (Трер, 2019, с. 325).

Таким образом, в современных чувашских сказках-пьесах авторы все чаще используют древние народные сюжеты, ведь духовные ценности народа закодированы именно в фольклорном материале, и современным писателям важно открыть кладезь мудрости подрастающему поколению.

Заключение

Современная чувашская сценическая сказка, или сказка-пьеса берет свое начало в народном словесном творчестве. Становясь основой оригинальных сценических постановок в виде пьесы-сказки или балета, фольклорные сюжеты и образы трансформируются и вписываются в новые временные рамки, приобретают иное звучание. Современные авторы литературных сказок по-новому интерпретируют мифологические элементы, сюжеты фольклорных сказок, легенд. Таким образом, можно сделать вывод, что чувашские писатели часто обращаются к народному устному творчеству, трансформируя архаичные сюжеты и образы для современного прочтения. Такие элементы встречаются в балладе «Вдова» и трагедии-сказке «Раб дьявола» К. Иванова, сказках-пьесах Е. Никитина «Сарбиге» и «Пюрнеске и его друзья» М. Юхмы, «По следам первоптицы» И. Трера, «Савдеби» О. Тургай, «Старик Ух» Е. Нарби.

Рубеж XX и XXI веков отмечается особым всплеском жанра сценической сказки. Анализ пьес-сказок современных чувашских писателей И. Трера, О. Тургай и Е. Нарби позволяет выделить общую сюжетную линию – изменение героя после путешествия, которая отсылает читателя (зрителя) к волшебным сказкам и мифологическим персонажам. Этот сюжет часто включается в более обширный мотив – мотив путешествия героя. Кроме этого, в названных пьесах-сказках обнаруживаются характерные для волшебных сказок и мифов элементы: волшебные помощники, живая и мертвая вода, иные обереги, которые либо остаются в той же семантике, что и в претекстах, либо трансформируются и получают новое прочтение.

Авторы современных драматических сказок видоизменяют элементы мифологического и фольклорного наследия, при этом сохраняя причастность к архаичным текстам. Таким образом, интертекстуальность становится заметным явлением в современной драматургии. В ходе анализа современных пьес-сказок мы обнаружили следующее:

1) наиболее часто встречающимся мифологическим сюжетом в современных чувашских сценических сказках является сюжет пропажи героя на войне и отправления на его поиски любящей жены (невесты или кого-то из близких людей);

2) мотив пропажи (кражи, похищения) героя часто варьируется и меняется;

3) образ отправляющегося в путешествие героя может видоизменяться (верный друг, жених или невеста).

Перспектива для дальнейшего исследования заявленной проблемы – изучение других сюжетов, персонажей, волшебных символов, получивших развитие в жанре современной чувашской литературной сказки.

Источники | References

1. Бегак Б. А. Правда сказки. М.: Детская литература, 1989.
2. Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка. М.: Наука, 1979.
3. Давлетшина Л. Х. Мифологизм в татарской прозе конца XX – XXI веков: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2005.
4. Кабанова Н. Г. Поэтика современной русской литературной сказки: автореф. дисс. ... к. филол. н. Архангельск, 2022.
5. Леонова Т. Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке: поэтическая система жанра в историческом развитии. Томск: Издательство Томского университета, 1982.
6. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920-1980-х гг.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1992.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.
8. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000.
9. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века (история, классификация, поэтика): дисс. ... д. филол. н. М., 2001.

10. Пономарева Е. В. Современная драматическая сказка: опыт жанрового синтеза // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 1.
11. Трер И. Хёрёх чалаш хёрлё ту. Стихи и поэмы. Статьи и интервью. Чебоксары, 2019.
12. Чекушкина Е. П. Авалхи тёрёк тапхёрёнчи илемлёх мелёсем чаваш сáмахлáхне витём кўни // Ашмаринские чтения: сб. трудов X международной науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016.
13. Чекушкина Е. П. Общeturкские традиции в чувашской словесности: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013.
14. Чекушкина Е. П. Парадигмы мифологических образов в современной чувашской прозе // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: проблемы регионального литературоведения и фольклористики: мат-лы XI международного симпозиума. Чебоксары, 2018.
15. Якимова Е. Р. Художественный мифологизм в современной чувашской драматургии // Ашмаринские чтения: сб. мат-лов XI международной науч.-практ. конф. Чебоксары, 2019.
16. Ярмыш Ю. О жанре мечты и фантазии // Радуга. 1972. № 11.

Информация об авторах | Author information

Перепелкина Елена Петровна¹

Якимова Екатерина Романовна², к. филол. н., доц.

^{1,2} Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Perepelkina Elena Petrovna¹

Yakimova Ekaterina Romanovna², PhD

^{1,2} Chuvash State University, Cheboksary

¹ enarpi@mail.ru, ² katya-af@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.12.2023; опубликовано online (published online): 13.02.2024.

Ключевые слова (keywords): литературная сказка; драматическая сказка; сказка-пьеса; мифологические сюжеты и образы; чувашские сказания; literary fairy tale; dramatic fairy tale; fairy-tale play; mythological plots and images; Chuvash legends.